

СОВЕСЕДНИК. — 1997. — № 37. — С. 3

Андрей Караулов, заимевший с некоторых пор репутацию эфирного диссидента, сегодня признается: после публикации открытого письма к председателю ВГТРК Николаю Сванидзе он думал, что его начнут медленно душить, что к зиме программу обязательно закроют. Он ожидал чего угодно, но только не оперативности, с какой «Момент истины» лишился эфира на Российском телевидении.

— Так закрыли «Момент истины» или нет?

— Не знаю — никакой официальной бумаги мы не получили. Больше того, мы не можем добиться от руководителей ВГТРК такого письма, хотя не раз просили: напишите, что «Момент истины» больше не выходит, — все.

— Вы просите нынешнего шефа ВГТРК Сванидзе или его зама Лесина?

— И до Сванидзе, и до Лесина дозвониться невозможно, но есть сотрудники в их аппарате, которые снимают трубки телефона.

— Тем не менее всем программа нравится, и только дочь президента Татьяна Дьяченко против нее. Вы считаете, это может быть правдой?

— Думаю, нет. Скорее всего кто-то из руководителей ВГТРК, не желая брать на себя ответственность за какие-то решения, считает для себя удобным и приличным прикрываться чужими именами.

— А это возможно — при живом человеке, который к тому же обладает реальным влиянием, валить на него все, как на мертвого?

— Наверное, можно, но вопрос, скорее, к самой Татьяне Борисовне. Если ей нужно, она поинтересуется, почему ее имя треплется в таком контексте. Почему именно ее именем так часто оперируют в скандальных ситуациях, которые все чаще и чаще возникают на РТР.

— Но так как она пока выяснением этого не занимается, вы решили ответить за нее — каким-то нетрадиционным для вас способом? Ходят разговоры о какой-то новой книге.

— Я занялся непривычным для себя делом — решил вдруг написать роман и уже несколько листов написал. Вообще, не знаю, что получится, но роман для меня уже дорог.

— Так это будет художественное произведение? Или все же вещь, основанная на реальных фактах, но облеченная в прозу — дабы не придраться?

— Это проза — о том, что с нами произошло за последнее время. Действие начинается накануне беловежских событий. Главные действующие лица — Ельцин, Горбачев, Бурбулис, Скоков. И я не буду настаивать на том, что все описанное в романе «Русское солнце» полностью соответствует действительности — это прозаическое, с позволения сказать, произведение.

Я боязно даю читать главки тем людям, мнение которых для меня дорого, и меня все ругают... Но я все-таки хочу над этим работать. Может, что-нибудь и получится. Я упрямый.

— До такой степени, что готовы уйти из журналистики?

— Вполне возможно, что я уйду из журналистики, но то, что я пробую писать прозу, еще не значит, что могу считать себя профессиональным литератором. Михаил Кузьмин говорил: я не профессиональный писатель, я только балуюсь литературой. Вот я — балуюсь. У меня есть профессия — театральный критик. И я с ней не расставался: последняя книжка, которую написал, о Смоктуновском — «Молодой Смоктуновский», которая, к сожалению, пока полностью не опубликована.

— То есть все представления о вас как о сверхчеловеке, бесстрашном борце с коррупцией ничего не стоят?

— А что, есть такие представления?

— Конечно! Стоит почитать ежедневные газеты, и что получается...

— Это не я...

— ...Караулов вернулся из Италии, где проводил отпуск, и с новыми силами ринулся в бой...

— Это не я...

— ...за чистоту рядов сотрудников ВГТРК. В самой же компании сидят плохие ребята...

— Там не плохие ребята. К сожалению, на ВГТРК собрались люди, которые очень хорошо знают, что делают. Я еще вчера не был в курсе, что Сванидзе 19 сентября под-

писал новую сетку вещания, и с этого дня 80 процентов передач, которые идут на втором канале, выпускаются «Видеоинтернешнл».

— Об этой вашей боли известно.

— Это не моя боль, это будет болью зрителей.

— Но возможно, все лучшие силы будут брошены на 5 канал, который президент хочет сделать культурным?

— Этого хочет не только Ельцин, этого хотят все. Но когда со второго канала убирается одна из одной передачи, производимые литературно-драматической редакцией,

никает только один вопрос: как такое может быть?

— Задав его открыто, для себя вы все же какие-то выводы сделали?

— С моей точки зрения, с тех пор, когда в ряд руководителей РТР встал один из основателей «Видеоинтернешнл» г-н Лесин, канал перестал быть государственным, — он фактически находится в руках не очень большой, но, как мы видим, весьма серьезной организации. «Видеоинтернешнл» поставляет всю рекламу на канал: вот не может Российское телевидение самостоятельно продать самое дорогое, что у него есть, — рекламное время! Для этого почему-то нужны два посредника, один из которых — Лесин. Они очень хорошо это делали раньше, наверняка большие деньги зарабатывали. Но теперь им показалось этого мало — они уже хотят возглавить Российское телевидение. Я не знаю, почему никто не обращает внимания на акт Счетной палаты, из которого понятно, что в 96-м году не учтенной никем рекламы было 57,8 часа. Минута рекламы на РТР стоит в прайм-тайм — от 9 до 25 тысяч долларов. Понятно, о ка-

зировал каждую страницу. После чего я с некоторым изумлением обнаружил: в то время, когда Лесин был назначен заместителем Сванидзе, прежний первый заместитель г-н Кирилл Легат, который лично отвечает за прохождение неучтенной рекламы, назначается генеральным продюсером РТР, — то есть становится еще ближе к деньгам. А человек, который поставил на канал всю рекламу, Лесин, сел на его место. И я об этом написал письмо Анатолию Чубайсу. Я написал ему то, что он знал без меня: когда коммерсант из преуспевающей фирмы как бы меняет свою деятельность на пост чиновника с зарплатой в 210 долларов в месяц, это делается только для того, чтобы стать еще богаче. Я писал Чубайсу, что приход на высшие должности ВГТРК коммерсантов из «Видеоинтернешнл» неминуемо приведет к быстрому переделу государственной собственности, то есть эфира. Что они начнут именно с этого, а сам передел будет напоминать бандитские шодки.

Сразу же после этого письма я получил по лицу — под невразуми-

говору об этом, а лечу в Мурманск или еду в Минатом. А мне между тем сорок лет, и я себя ловлю на мысли, что играю уже сам с собой — в какую-то игру, которая мне неприятна и ненужна. Но в эти игры я играть не буду... Я с большим удовольствием сделал бы сейчас со Сванидзе «Момент истины» или просто встретился с ним в личном диалоге. Но я с марта не могу с ним увидеться. И потому написал то письмо. И когда Павел Гусев (главный редактор газеты «Московский комсомолец» — К.Л.) его получил, он спросил меня: «Вот как мне быть? Печалиться? И ты мне товарищ и Коля — друг».

— Сванидзе назвал то письмо доносом.

— Получается, на воре шапка горит?

— А что с ответом от Чубайса?

— Михаил Полторанин имел с Чубайсом телефонный разговор. Анатолий Борисович уверил его, что прочитал, и очень искренне, показало Полторанину, сказал: в сутках всего 24 часа — руки не доходят. И добавил, хотя это в пересказе прозвучало немного поддельно, что он этого всего не хочет... И я Чубайсу поверил. Я и сейчас ему верю, хотя странно: Чубайс, куратор средств массовой информации, молчит, когда на РТР такой скандал. Он мог бы сказать: Николай Сванидзе все сделал правильно, так им и надо, и я соглашусь — если у Чубайса будут внятные аргументы. Но он молчит, его как бы нет.

— Это странно. Как и ваше внезапное прозрение, которое многие списывают на личные интересы.

— Нет внезапного прозрения. Никто из журналистов на РТР до появления акта Счетной палаты не представлял, что же творится на самом деле с рекламой, почему нам не платят деньги, почему такие низкие зарплаты и вообще куда деньги деваются. У меня в передаче было по 3—5 минут рекламы, и она вся принадлежала компании «Видеоинтернешнл». Вы можете не верить, но я не знаю, по какой цене в моей передаче она продавалась. И не знал, что, скажем, каждая программа «Метео-ТВ» стоит пять тысяч с чем-то долларов, тогда как мою покупали всего по шесть. Денег было не много, пришлось найти спонсоров, которые отдавали тридцать процентов каналу. Мало того, что мы кормили РТР, так еще с июля мне сказали: гоните повтор. Но не может же разговор, допустим, со Скуратовым, снятый в июле, идти в сентябре. «А мы не в силах платить», — сказали начальники. Я согласен был выходить бесплатно — на деньги спонсоров. Но потом спросил себя: а, собственно, почему? Ведь объемы рекламы не уменьшились, и в таком случае не совсем ясно, куда деваются деньги. А умные люди объяснили: дурак, грядет акционирование РТР, и одному известному банку надо сделать так, чтобы купить канал полностью. А чтобы акционировать его, надо почву подготовить. Объяснить зрителю, что мы все лето вынуждены были гнать повторы, потому что у нас нет денег. А по осени сказать: не мы были виноваты, а правительство, которое ничего не дает, так что давайте быстренько канал акционировать. Тем более есть банк, который хочет это сделать прямо сейчас.

— И тут выходит Потанин и все становится на свои места — зрители довольны, деньги есть, не так ли?

— Думаю, каждый скоро сможет это понять сам. Но я очень надеюсь, что самой такой ситуации не будет, что у РТР действительно нет денег. Что они вдруг внезапно кончились.

— Многие на это надеются. Скажите, а зачем же вы так напугали Лесина своими связями?

— Я не знаю, чего он пугается. Думаю, он уже боится самого себя, собственной тени.

— Стоп. А как же опасения, что этот человек готов физически устранить вас?

— Да, я это подозреваю, но не настаиваю на своих подозрениях. Однако посудите сами. Когда первый заместитель министра говорит: ты кончай меня разводить на базаре, фильтруй базар — что-то такое, то я перестаю понимать, куда пришел.

— То есть было все — вплоть до пальцев веером?

— Нет, пальцев, слава Богу, не было.

Андрей Караулов: Из Сванидзе министр — нищий как Коля!

ких суммах идет речь...

— Вы полагаете, Сванидзе постигнет участь Сагалаева?

— Зачем гадать? Но я продолжаю считать, что Коля Сванидзе — один из лучших журналистов, хотя в «Зеркале» сейчас стало все больше лести, но министр он — никакой. Людей разогнать каждый дурак сумеет, а вот найти с ними общий язык, чего он и не пытался сделать...

Из акта Счетной палаты: «Проверкой достоверности учета рекламного времени, размещаемого в эфире на Российском канале ТВ, установлено, что сложившаяся в компании система отчетности о фактическом прохождении всех видов рекламы не позволяет иметь полных и точных данных о рекламном времени, прошедшем в эфире». «Проверкой выявлены факты прохождения в эфир неучтенной рекламы».

Проблема в том, что Сванидзе согласился с этим актом — он зави-

тельным предложением у нас тут же закрыли «Момент истины» с Благоволиным. Через две недели появился первый вариант сетки — я как в воду глядел, увы. И все это рассказал Борис Немцов. Он тут же позвонил Сванидзе. На следующий день Николай Карлович был у Немцова, о чем они говорили, не знаю, но через два дня я получил еще один удар по лицу — закрыли сразу две мои программы.

— Вы ведете к тому, что Сванидзе сумел убедить Немцова?

— Я веду к тому, что я нарушил закон стаи: если выносишь сор из избы, ты — предатель. Вам может это показаться странным, но... Вот я сажу, например, и как бы с умным видом разбираю проблемы Минатом — а там какой-то кошмар! Или беру интервью у губернатора Мурманской области, где тоже творится бог знает что. Но ведь у меня под носом происходит нечто не менее странное, а я молчу... Все вижу, чувствую, что будет дальше, но не

фото Олега Пекарского

Беседовал Кирилл ЛИТМАНОВ.